

Пятьдесят счастливых лет

Раиса СТРУЧКОВА:

— Раиса Степановна, полвека жизни в искусстве — сам по себе вообще юбилей уникальный. Но для Вас он, думается, уникален вдвойне: Вы — знаменитая балерина, профессор Российской академии театрального искусства, балетмейстер-репетитор Большого театра, главный редактор журнала “Балет”... Редко кто из артистов имеет столь представительный послужной список. И все же — как сами Вы оцениваете эти пятьдесят лет? Вы довольны?

— Думаю (и со мной, наверное, согласятся мои коллеги-актеры), что никто из нас не ответит на этот Ваш вопрос утвердительно: нет среди нас людей, которые бы были удовлетворены полностью тем, что они сделали и делают. Артист, довольный собой, перестает быть творческим человеком.

Прожитые мною в искусстве пять десятилетий были трудными, но счастливыми годами. Я танцевала на лучшей сцене мира, и меня все эти годы окружали чудесные люди. В детстве жизнь свела меня с выдающимся мастером — моим педагогом Елизаветой Павловной Гердт, которая свято хранила традиции старой петербургской школы, унаследованной ею от Екатерины Вазем, Ольги Преображенской, Михаила Фокина, ее учителя... Ее отец, Павел Гердт, был первым исполнителем главной партии во многих балетах Мариуса Петипа, и, естественно, унаследовав его школу, он помог и дочери постичь особенности стиля маэстро. Елизавета Павловна стала мне дорогим и близким человеком — другом и учителем на всю жизнь. Закончив школу и работая в театре, я все свои роли готовила с блистательным мастером Тamarой Петровной Никитиной. Но последнее слово всегда оставалось за Елизаветой Павловной. А разве не счастье сотрудничать с такими замечательными хореографами, как Василий Вайнонен, Ростислав Захаров, Леонид Лав-

ровский, Касьян Голейзовский, Леонид Яacobсон...

Еще в школе Касьян Ярославич Голейзовский поставил для меня “Мазурку” на музыку Скрябина. Да, да, ту самую знаменитую “Мазурку”, которую позже так блистательно танцевала Екатерина Максимова, но родилась она, правда, несколько в другом виде, намного раньше. А в конце своей артистической деятельности я участвовала под его руководством в создании спектакля “Лейли и Меджнун” у нас в Большом, исполняла партию Лейли. А Леонид Яacobсон поставил для меня в школе “Ноктюрн” на музыку Э.Грига.

С благодарностью думаю о моих дорогих партнерах — Николае Фадеечеве, Марисе Лиепе, Юрии Гофмане, Михаиле Габовиче, Алексее Ермолаеве, Борисе Хохлове, Владимире Васильеве, Михаиле Лавровском, Владимире Тихонове... Никогда не забуду счастья общения с Владимиром Преображенским, который вводил меня в первый раз в “Лебединое озеро”. И, конечно, бесконечна признательность и благодарность Асафу Мессереру, с которым я танцевала в “Тщетной предосторожности”, “Золушке”, “Пламени Парижа”.

Особая моя любовь — Александр Лапаури, с которым мы вместе учились в балетной школе, вместе пришли в Большой театр. Он был моим партнером и мужем. Я его любила с десяти лет до самой его трагической гибели. Для меня он был всем — кавалером, другом, товарищем, балетмейстером. Я танцевала в его балетах “Лесная песня” и “Подпоручик Кижж”, для меня он создавал концертные номера, придумывал оригинальные поддержки. Знаменитые “Вальс” Дунаевского и “Этюд” Глазера живут до сих пор, их танцуют известные мастера, а когда-то их исполняли мы с Сашей. Александр Лапаури был профессором ГИТИСа, много сделал для развития балетного искусства. Он был и моим учителем, и первым критиком. Частенько после моих

Л.МОГИЛЕВСКАЯ: В целом опера интересна и это, безусловно, новый опыт для наших артистов. Помимо записи, осуществлявшейся в сжатые сроки, было дано и два концертных исполнения — в зале Кельнской филармонии и в Дуйсбурге. Они транслировались. Что сказать о наших артистах? Участвуя именно в концертной версии, они так увлекались, что начинали между собой легкую драматическую игру, словно достраивали недостающие театральные детали, физическое действие, характерность, словом, то, что составляет собственно зрелище. Публика была просто в восторге. Отмечалась особенность русских артистов непременно погружаться в материал, всесторонне его осваивать.

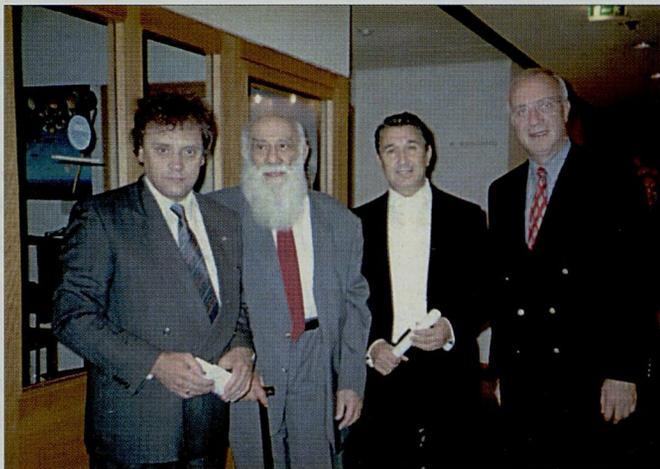
В.БОГАЧЕВ: Действительно, концертное исполнение оперы русскими артистами, вероятно, всегда спорит с академическими правилами. Впрочем, где эти правила записаны? Иностранцы наши коллеги более четко разделяют концерт и спектакль, но зато это Спектакль!

В единственный свободный вечер нас пригласили на премьеру в Кельнскую оперу — триптих Джакомо Пуччини: “Плащ”, “Сестра Анжелика”, “Джанни Скикки”. Постановка произвела огромное впечатление. Такое ощущение, что в ней открыты не просто хорошие голоса, режиссер, оркестр, дирижер Джеймс Конлон (мне, кстати, предстоит с ним скоро петь в “Метрополитен-опера” “Леди Макбет Мценского уезда”), — это само собой. Там словно открыты новые возможности театра как такового: весь художественный комплекс, целостность зрелища и замысла, включая самое пространство оперы в тот вечер.

Дело в том, что здание оперы невелико, и потому в зале найдено особое звучание пуччиниевского оркестра. Найдено и особое сценическое приспособление, напоминающее рупор, идущий из глубины сцены к зрителю, он отражает голоса певцов, посылает их более точно, не рассредоточивая по сторонам.

Л.МОГИЛЕВСКАЯ: Я бы назвала это высочайшим уровнем

театрального мышления в целом. Люди думают на языке театра. Авангардная постановка нисколько не раздражала, не создавала никаких неудобств, — так гармонично все было внутри нее. Сценографический замысел не навязчив, поддержан всеми актерами, включая эпизодических персонажей, исполненных настоящими классными мастерами.

А.Лазарев, А.Копелев, В.Кудряшов, Харольд Бантен.

М.Крутиков, Е.Брылева, Л.Могилевская, А.Копелев, В.Богачев, В.Маторин, М.Михайлов (стоят), Т.Ерастова, Г.Борисова

В.КУДРЯШОВ: Тут бы надо вспомнить, что общая культура немцев (не обязательно столичных жителей), позволяет им свободно общаться с любой другой национальной культурой. Ведь “Майская ночь” — их выбор. Они полтора года назад заключили контракт “под Лазарева”, которого в Германии знают и ценят, на исполнение именно этой оперы. А маэстро уже пригласил нас. То есть люди умеют задумывать необычные художественные проекты и сочетать в них столько ранее несочетаемых обстоятельств. Гоголь и Римский-Корсаков в Кельне! Русские артисты и русский маэстро с немецким хором и оркестром!

Ну а когда на спектакле, а потом на приеме в нашу честь у одного видного немецкого журналиста, Харольда Бантена, ныне шефа Кельнского радио, мы встретили своего соотечественника Льва Копелева, то вообще перестали удивляться многим невероятным случайностям. Писатель рассказал, как в застойные годы из России в Германию попадала русская литература, называемая сейчас диссидентской. Немецкие корреспонденты перевозили ее, а затем издавали и тем самым поддерживали наших эмигрантов, вынужденных или добровольных.

Неисповедимы пути культуры и артистические пути — к нам приезжала и Нина Львовна Дорлиак, оказавшаяся здесь, в Германии, неподалеку. В наших гастролях участвовала Елена Брылева, ее ученица, и она решила ее послушать. Искренне поздравляла, особенно тепло отзывалась об Александре Лазареве, его музыкальном темпераменте, остроумии и современном стиле.

Редакция поздравляет
Раису Степановну Стручкову
с юбилеем — 50-летием
творческой деятельности.

спектаклей, в которых, как мне казалось, я выступала удачно, Саша и Елизавета Павловна Гердт, разбирая мое исполнение, обращали внимание только на его недостатки. Обиженная, я иногда не выдерживала и возражала: “Ну, хоть что-нибудь да было хорошо?” Сейчас я понимаю: слава Богу, что они меня так нещадно критиковали.

— Раиса Степановна, Вы танцевали в одних спектаклях с представителями нескольких актерских поколений — от Алексея Ермолаева и Елены Чикваидзе до Михаила Лавровского и Натальи Бессмертной. Разные поколения — это разные мировоззрения. Но ведь балетный спектакль — это ансамбль. Как он создавался, как формировалась та атмосфера взаимопонимания, которая здесь так необходима?

— Работа с людьми разных поколений — жизненная необходимость. Через нее проходят все. И это к лучшему, тут благодатная основа для творчества. Я уже говорила о своей встрече с Елизаветой Павловной Гердт. Уверена, что мой успех предопределен был именно встречей с этой замечательной женщиной. В ней было все в идеале — аристократизм духа, интеллигентность, блестящая образованность. А какая она была балерина, можно представить себе по одному такому факту: Александр Константинович Глазунов — великий автор балета “Раймонда” говорил, что идеал Раймонды — это Елизавета Гердт. Совершенная культура танца, жеста, пластики. Не всем известно, что с Елизаветой Павловной консультировалась по сценическому движению наша оперная звезда Елена Образцова. Сама прекрасная артистка, она понимала, как много ей в работе над ролью может дать школа Гердт.

Я всегда с большой теплотой вспоминаю старших коллег Виктора Семенова, Петра Гусева, Владимира Рябцева, Александра Монахова — ведь выступая с ними в одних спектаклях, репетируя рядом, я, начинающая артистка, набирала творческий багаж, копила знания: они были не просто хорошими профессионалами, но и Мастерами, Личностями в искусстве.

В 1947 г. я дебютировала в “Золушке”. Я сама была на нее похожа — ходила в ситцевом платье: на более дорогое пока не заработала. Танцевала как во сне. Помню состояние огромнейшего счастья, когда после многочисленных поклонов возвращалась в артистическую уборную — вдоль ле-

стницы стояли, казалось, все работники театра, артисты, гримеры, костюмеры, оркестранты. Они мне устроили такую овацию, что я расплакалась. Весь мой стол в артистической был завален подарками, цветами... Галина Сергеевна Уланова прислала огромный букет пионов и очень красивые туфли на каблучке. С целой почетной “свитой” я вышла на улицу из первого подъезда. Проходящие мимо люди, увидев толпу и море цветов, спрашивали: что, что случилось? Кто-то сказал, что жена Поля Робсона приехала. Мы смеялись.

Помню “Золушку” в 1963 г. Большой балет

выступал в Англии. Новая премьера нашей “Золушки” состоялась в самом конце гастролей. Моим принцем был юный Михаил Лавровский. Естественно, переживали. Англичане помнили приезд Большого в 1956-м. Как прошел спектакль? Это был триумф! Знаменитый английский историк и деятель балета Арнольд Хаскелл после спектакля вбежал ко мне в артистическую, крепко обнял меня, и я увидела, что он плакал. Мы вышли с Мишей из театра и направились в отель. Лавина народа кричала, приветствовала нас и бросала к нашим ногам цветы, а целый ряд автомобилей сопровождал наше шествие гудками. Так мы и дошли до отеля по цветам и под сигналы машин. Я сказала: “Миша, запомни это на всю жизнь. Такого больше не будет”.

А как было, когда нас, группу молодых артистов, вводили в спектакль “Бахчисарайский фонтан”? Я готовила партию Марии, одну из главных в балете Б.Асафьева. Со мной дебютировали Майя Плисецкая (Зарема), Александр Лапур (Хан Гирей). Мы страшно волновались.

Семья Асафьевых жила в доме за театром, где сейчас на-

Р.Стручкова, М. Лиена, “Ромео и Джульетта”.

ходится театральная столовая. Что это была за семья! Более гостеприимного дома я не знала. После нашего выступления все мы были приглашены на специально для нас устроенный вечер к Асафьевым. Представьте на минуту, кто там был — актриса Малого театра Дарья Зеркалова, литератор Николай Волков, балерина Марина Семенова, мой дорогой педагог Елизавета Павловна... Павел Серебряков, ученик Бориса Владимировича, играл прокофьевские этюды. Какие разговоры о музыке, драме, живописи... Разве это не большое счастье, что две такие семьи — Гердт и Асафьевых — сыграли важную роль в формировании моей творческой личности?!

Такое единство поколений много давало нам, молодым. Но мне хочется сказать не только о связи поколений внутри театра, внутри нашего искусства — мы дружили тогда и с актерами Художественного театра и музыкантами-консерваторцами, и с художниками, и даже с представителями профессий, далеких от искусства — авиаконструкторами, врачами, математиками...

— У Вас сейчас есть ученики. Они Вас понимают? Вы довольны ими?

— Сегодня я испытываю счастье другого рода — счастье отдачи. Я работаю с мировыми звездами — Екатериной Максимовой, Владимиром Васильевым, Ниной Ананишвили, работала с Андрисом Лиепой (до ухода его из театра). Как педагог я встречалась и встречаюсь с известными балеринами Аллой Михальченко, Мариной Леоновой, Татьяной Голиковой, Ириной Пяткиной, Эрикой Лузиной... И снова волнуюсь, как и раньше, перед спектаклем, в котором они танцуют. Занимаясь с ними, еще раз убедилась, что без артиста ни композитор, ни постановщик, ни самый блистательный педагог ничего сделать не смогут. Артист дает жизнь спектаклю. Вот почему, отдавая ему свой опыт и знания, ты и сама творчески растешь.

— Как Вы совмещаете театр с работой в журнале “Балет”, с преподавательской деятельностью в Академии?

— Расписываю свой день. Журналу “Балет” (раньше он назывался “Советский балет”) тринадцать лет. Мои коллеги по журналу — профессиональные критики и журналисты, я же — артистка, никогда журналистикой не занима-

лась. Когда пришла в коллектив, не стеснялась своего незнания, начала у них учиться, учусь и сейчас. Они, надеюсь, в свою очередь, учились и учатся у меня. Галина Иноземцева, Галина Беляева, Валерия Уральская, Галина Гуляева — мои первые сотрудники в журнале. Мы по сей день вместе.

Жизнь журнала складывается сейчас трудно. Было даже время, когда журнал находился под угрозой закрытия. Но в нашей редакции работают бессеребренники. Однажды я им сказала: “Друзья мои, вы должны найти себе другую работу, зарплату нам платить нечем”. Они ответили: “Нет, журнал сохраним!” И сохранили, работая полтора года бесплатно. Конечно, трудно совмещать творческую деятельность с экономической. Но без этого журнала не выжить.

В Российской академии театрального искусства (бывшем ГИТИСе) я работаю с 1962 г. Преподаю на педагогическом отделении балетмейстерского факультета. В этом году набрала курс. Мои ученики танцуют во многих странах, в том числе и СНГ, — от Якутии до Ашхабада, от Кишинева до Камчатки, в Чехии и Словакии, Польше, Югославии, Германии, Болгарии.

— Имеются ли какие-либо фильмы, видеозаписи с Вашими выступлениями?

— В Госфильмофонде хранятся фильм-балет “Золушка”, документальный фильм, посвященный мне, — “Душой исполненный полет”, на телевидении снят фильм-балет на музыку Пуленка “Имя твое” по поэзии Поля Элюара, где я снималась вместе с Марисом Лиепой. В начале 60-х годов снят фильм-путешествие “СССР с открытым сердцем”. Гидами и главными героями в нем были юные Катя Максимова и Володя Васильев. Я исполняю в нем гавот из балета “Пламя Парижа”. Есть и другие фильмы и записи.

— Раиса Степановна, Вы живете в доме со многими театральными знаменитостями, и не только

с театральными. Лично Вы, будучи также знаменитостью, с кем предпочитаете общаться, дружить?

— Наш дом всегда был гостеприимным. С самого начала моей артистической карьеры у нас постоянно гости — друзья из Большого театра, артисты МХАТа, музыканты, спортсмены, врачи, ученые-математики. А еще в нашем доме живет собака, тоже наш старый добрый друг.

Беседу вела С.ЗАВОРОТНА

В классе с Н. Ананишвили.